

САМЫЙ СИЛЫ
«МНОГАЯ»
(1961-1971)

* * *

сад
дождь накрапывает скользкие листья
мы шли по тропинкам бормоча заклинания:
«дуб, ясень, лиственница, тис, рябина»
мы шли непринужденно беседуя о том
что есть нечто выше нашего понимания
мы говорили о человеке

потом молча шли будто вытекли из себя —
брели прислушиваясь к шагам
и размышляли

* * *

пусто в саду
невдалеке женщина укачивала
в коляске ребенка
да служитель собирал листья с отпечатками ног
и листья отражавшие сложность строения глаза

кто еще забредет сюда в этот день
или в другой какой день?
кто бродит среди нас
и произносит имена наши как заклинание
кому рассказать что мои сны каждый год умирают
и небо дарит их иллюзорным бессмертием?

и что пьем из одного и того же источника
что вкус воды одинаков для нас

* * *

...но это был всего лишь пасмурный день
деревья были деревьями а мы сами собой
мы откуда-то возвращались и совершенно
случайно наткнулись на сад
где женщина укачивала в коляске ребенка
не придавая значения голосу
да служитель собирал к сожжению листья —
безбрежная река белого дыма
струилась между деревьями

* * *

Придет день или ангел.
В трепет дождя
раскрыты окна и кровли.
Придет ночь или ангел,
Оботрет ноги перед порогом,
Пронзительный некогда взгляд
угас под полями набрякшими
шляпы.
Будто на пажити два одиноких серпа —
раскрыты крылья косноязычия.
Правая часть лица отдана
смерти.
«поэзия, поэзия, слов...» —
Невнятно произнесет, исчезая
Следуя вдоль ряда имен.
«станется, было, не будет...» —
Промолвит эхо в ответ.

Из сборника
«ЦЕРЕМОНИИ»
(1970-1972)

* * *

деревья гнутся под ветром
поднимается пыль
раскачивается оцепенело
первый день
ветреный день
день созерцания

движением мерным охвачены рощи
поля стволы кукурузы
бредут коровы
лунные головы влекут рогатые тени
а надо всем — шум налитый зноем
воздухом
светом гнувшихся сосен

гравий поскрипывает под ногами

ночь прервана на полуслове
полусвет листьев на лицах
первый день
день ветреный
день созерцания

* * *

сухой треск надломленной ветки
смутно-черные сполохи голых деревьев
над зыбким огнем цепенеющих вод
улитка увядания и багрянца
улитка желтизны ползет по земле
трава никнет
гнезд глаза опустели
осень
пора отчаянья и отваги

* * *

странно
словно тебя не хватало
чтобы двери открылись
обнажая продрогшие стены
плед прожженный
убожество юности
Фейерверк на портрете
где к шее твоей тянет клюв
точно голубь тюльпан
Старое золото в сумерках лета
пятый час
в крупной капле лицо
гримаса пространства —
несколько лет непонятной любви

* * *

долгие белые лестницы
белые улицы
на ветке белое платье
девушка забавляется с лягушонком
выцветшие рукава
пустые
белые
лестницы
ступени гулкие
цепи следов
воскресение
полдень

* * *

так все несложно и просто!
прах огоньков у стекол чужих
мотылек на груди
голова, склоненная к белому трепету
все невероятно понятно —
последовательность, недоступная разуму —
я появляюсь, затем ухожу, потом умираю
покойно лицо
лицо утихает
снег слетает к лицу
к краям подступает —
и снег и лицо приостановлены сразу

* * *

две руки, заведенные за затылок
беззащитность подмышек
вечер одевает тебя в плавное пламя

свечи

гость запоздалый
укрою тебя на груди в полнолуние
великое —

ночь да ночь!

может и впрямь тепло наших душ
растопить льды способно?
может и впрямь наши тела —
две могучих сосны?

голуби

влажная глина их голосов под перстами
зари обретает форму вычурного

ожерелья

} воздух апреля смывает с век твоих
гарь февральских видений